

СОЦИАЛЬНЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ

В последние годы не только в публицистике, но нередко и в научной литературе понятие “либерализм” стало трактоваться как нечто антисоциальное, связанное исключительно с эгоистическими индивидуалистическими устремлениями, противостоящими общественному интересу. Справедливости ради надо признать, что вину за это наряду с идейными противниками либеральных течений общественной мысли разделяют и либералы, придерживающиеся крайне индивидуалистического толкования требований либеральной теории и социально-экономической политики, жесткого размежевания идей индивидуализма и коллективизма. Между тем подлинный либерализм, предполагающий акцент не только на индивидуальных правах, но и ответственности индивида перед социумом, предполагает гораздо более сложную трактовку самого понятия “либерализм”, включающую в него как органическую составную часть социальный компонент. Подобную трактовку можно встретить, например, в работах творцов немецкого “экономического чуда”, которые смогли выстроить такую экономическую политику, при которой государство, с одной стороны, создало условия для индивидуальной активности граждан, а с другой – выработало механизмы для эффективной помощи тем областям, которые не могли развиваться без его помощи.

Поэтому нам представляется сегодня крайне важным широкое обсуждение темы социального либерализма прежде всего в ее теоретико-методологическом аспекте. Начать дискуссию мы попросили А. Рубинштейна, теоретические построения которого позволяют выстроить на рыночных принципах концепцию соотношения интересов индивидуумов и социума, не предусматривающих их иерархичности, включающую в себя не только экономический и социальный, но и политический компонент.

А.Я. РУБИНШТЕЙН

Социальный либерализм: к вопросу экономической методологии

В статье представлена первая попытка создания экономической методологии социального либерализма, предполагающего взаимодействие рыночной экономики с государственной активностью, ориентированной на решение социальных задач, и занимающего промежуточное положение между классическим либерализмом и социалистической парадигмой. Особенность предложенной методологии обусловлена отказом от абсолютизации методологического индивидуализма и использованием основных положений концепции “экономической социодинамики” с ее ключевым принципом комплементарности полезности, допускающим существование потребностей общества как такового; “теории опекаемых благ” с ее обобщением модели равновесия Векселя–Линдаля для любых товаров и услуг, обладающих социальной полезностью; механизмов рыночной и политической ветвей генерирования общественных интересов, формирующихся в различных институциональных средах на основе предпочтений несовпадающих групп индивидуумов.

Рубинштейн Александр Яковлевич – доктор философских наук, профессор, заместитель директора Института экономики РАН.

Ключевые слова: социальный либерализм, методологический индивидуализм, холизм, экономическая социодинамика, социальная полезность, принцип комплементарности, опекаемые блага, нормативные интересы, институциональная среда, политическая ветвь общественных интересов, равновесие Викселля–Линдаля.

The article presents the first attempt to create an economic methodology of social liberalism which involves the interaction of a market economy with state activity, focuses on solving social problems and occupies an intermediate position between classical liberalism and socialist paradigm. The peculiarity of the proposed methodology is due to an absolute rejection of methodological individualism and the use of the main provisions of the concept of “economic sociodynamics” with its key principle of complementary utility. It admits the existence of the needs of society as such, “wards of the theory of wealth” with generalization equilibrium model of Wicksell–Lindahl for any goods and services having social utility, market mechanisms and political branches of generating public interest formed in different institutional environments, based on the preferences of distinct groups of individuals.

Keywords: social liberalism and methodological individualism, holism, sociodynamic economics, social utility, the principle of complementarity, welfare wards, regulatory interests, institutional environment, the political branch of the public interest, Wicksell–Lindahl equilibrium.

Начну с предварительного замечания о том, что работа эта не случайная и совсем не проходная. В ней мне хотелось бы объединить ряд сюжетных линий, разрабатываемых мной последние 20 лет, соединив их в некий общий подход к разработке экономической методологии социального либерализма. Речь идет о концепции “экономической социодинамики” (КЭС) с ее методологическим ядром – принципом комплементарности полезности, допускающим существование потребностей общества как такового¹, о “теории опекаемых благ” и разработанной в рамках этой теории модификации модели равновесия Викселля–Линдаля для любых товаров и услуг, обладающих социальной полезностью [Рубинштейн, 2008; 2009^a; 2009^b; 2011], наконец, о рыночной и политической ветвях формирования общественных интересов в различных институциональных средах на основе предпочтений несовпадающих групп индивидуумов [Рубинштейн, 2010; 2011].

Многие считают, что кризис, начавшийся в конце 2007 г., как и кризис 1929 г., в большой степени обусловлен генетическими пороками самой капиталистической системы², и пытаются найти альтернативные подходы к созданию нового экономического порядка. Некоторые, вспоминая Дж. Кейнса, говорят о необходимости фундаментальных реформ, обеспечивающих переход от неолиберального капитализма к социальному либерализму [Bortis, 2009].

Просматривая литературу по “социальному либерализму”, я обнаружил, что само это понятие, несмотря на солидный возраст, не имеет строгой дефиниции или имеет столь многочисленное их семейство, что допускает различные толкования в зависимости от взглядов исследователей, их приверженности определенной идеологии, включая и ту, которая была названа “либеральный социализм” [Le socialisme... 2003]. Будучи противником любых форм социализма, как и ультралиберальных доктрин, замечу, что дело не в простой перестановке слов в указанном слогане, хотя это как раз тот случай, когда их порядок меняет “сумму”, и не в фирменном французском “выборе этикеток”³.

¹ Кроме журнальных статей и докладов на научных конференциях, в том числе на недавней конференции американской экономической ассоциации, результаты исследований по данной проблематике представлены в ряде монографий: [Гринберг, Рубинштейн, 2000; 2008; Grinberg, Rubinstein, 2010; Рубинштейн, 2010].

² Как отмечал Дж. Кейнс, “наиболее значительными пороками экономического общества, в котором мы живем, являются его неспособность обеспечить полную занятость, а также его произвольное и несправедливое распределение богатства и доходов” [Кейнс, 2007, с. 332]. К этому добавлю, что и в том случае, когда “произвольное” распределение богатства и доходов, воспользовавшись рецептом первой теоремы экономической теории благосостояния [Atgow, Debcu, 1954], заменить оптимальным, то и тогда “порок экономического общества”, связанный с “несправедливым распределением” и неравенством, будет иметь место. Причем, как показал П. Самуэльсон, децентрализованно устранить его невозможно [Samuelson, 1954].

³ Как отмечает редакция журнала “Неприкосновенный запас”, опубликовавшего вступительную статью М. Канто-Спербер [Канто-Спербер, 2004] к антологии “Либеральный социализм”, ее автор, “желающая воздать должное разнообразию форм социализма”, старается найти точки соприкосновения между либеральными и социалистическими корнями, что и обусловило ее выбор в пользу этикетки “либерал-социализм” [Перспективы... 2004].

Решение поставленной задачи, направленной на формирование соответствующей экономической методологии, требует, во-первых, ее идеологической нейтральности⁴, во-вторых, максимально возможной однозначности в понимании используемых терминов, и прежде всего категории “социальный либерализм”.

Для объяснения своей позиции процитирую фрагмент из редакционного комментария к русскому переводу уже упомянутой статьи М. Канто-Спербер: “Победивший социализм” российского разлива глубоко и основательно дискредитировал себя, превратившись в номенклатурно-бюрократическую идеологию; но и либерализм в том виде, в каком он проявил себя в политической жизни России за последние полтора десятилетия, в глазах многих наших сограждан парадоксальным образом стал синонимом не свободы, а социальной незащищенности и сужения жизненных возможностей» [Перспективы... 2004]. Именно такое понимание нашей недавней истории, в большой степени отражающее мои собственные взгляды, может способствовать адекватной модификации либеральной парадигмы.

При этом, в отличие от классического либерализма, сторонники его социальной версии, оставаясь на позициях рыночной экономики, справедливо утверждают, что для реализации прав граждан далеко не всегда достаточно их собственных усилий⁵. В этом смысле экономическая философия социального либерализма опирается на те же представления о хозяйственной системе, что и упомянутые выше КЭС и теория опекаемых благ, в соответствии с которыми индивидуумы, стремящиеся обеспечить свои интересы, взаимодействуют между собой и государством, ответственным за реализацию интересов общества в целом. В этом я вижу *родовые свойства* экономической методологии социального либерализма, допускающей частную инициативу и государственную активность, направленные на реализацию интересов отдельных индивидуумов и общества в целом.

Оставляя в стороне философские и идеологические аспекты социального либерализма, замечу, что с точки зрения экономической методологии наиболее diskutированным вопросом остается категория общественного интереса, обуславливающего государственную активность. Решение данной проблемы предполагает исследование отношений между индивидуумами и обществом в целом и связано с трактовкой еще одного важного понятия – “всеобщего благосостояния”. «Если каждый будет стремиться к своей корысти, то “невидимая рука” провидения приведет к всеобщему благосостоянию» – примерно так определил А. Смит действие конкурентного рынка и соответствующий ему телеологический механизм экономической координации. После публикации его классического “Исследования о природе и причинах богатства народов” (1776) многие экономисты, математики, социологи и социальные философы искали и продолжают искать подходящую трактовку понятия “всеобщего благосостояния” и соответствующие ему общественные интересы.

Наиболее распространенным оказался утилитаристский подход. Согласно ему, общественное благосостояние определяется благополучием отдельно взятых членов общества (И. Бентам, В. Парето, Дж. Хикс, А. Бергсон, П. Самуэльсон, К. Эрроу). В последнее время, и главным образом благодаря работам А. Сена [Sen, 1999; Сен, 1996; 2004], развитие теории благосостояния стали связывать все же с использованием менее ограниченной по сравнению с утилитаризмом философии, для которой понятия свобода, этические принципы, справедливость, взаимозависимость и взаимодействие индивидуумов являются существенными элементами⁶. В плане экономической методологии здесь “прячутся” три ключевых вопроса. Во-первых, как общественные интересы связаны со своекорыстием – интересами индивидуумов, составляющих об-

⁴ Возможно, более правильно говорить о *методологическом* социальном либерализме, демонстрируя в самом названии идеологическую нейтральность разрабатываемой методологии.

⁵ Даже такой певец “индивидуализма”, как Дж. С. Милль, еще за полстолетия до В. Парето, оправдывал в своей книге “О свободе” вмешательство государства во всех случаях, когда “действия человека наносят ущерб благополучию другого человека” [Милль, 1993, с. 12].

⁶ Назову здесь и исследования Дж. Ролза [Ролз, 1995].

шество, и можно ли всегда предполагать наличие такой связи? Во-вторых, что представляют собой общественные интересы, какова их природа, сущность и механизмы формирования? В-третьих, каким образом общественные интересы можно учесть в экономическом описании и непосредственно в условиях рыночного равновесия?

При этом надо ясно понимать, что вопросы эти возникли не сегодня и даже не вчера. Общественные интересы в целом, как и их взаимосвязи с индивидуальными предпочтениями, – “вечные сюжеты”, кочующие по странам и эпохам. К концу XIX в. обозначились два тренда и соответствующие им традиции в интерпретации общественного интереса⁷. Так, английская традиция отрицала саму возможность существования каких-либо интересов, отличных от агрегата предпочтений индивидуумов (*индивидуализм*). Германская же традиция, наоборот, допустив наличие интересов общества как такового (*холизм*), признала категорию “коллективные потребности” в качестве фундаментальной основы знаменитой “немецкой финансовой науки”.

Индивидуализм и/или холизм?

Начну с методологического индивидуализма. История этого мировоззренческого принципа⁸ не такая уж длинная. И хотя, как пишет М. Блауг, «само выражение “методологический индивидуализм”, видимо, было введено Шумпетером в 1908 г.» [Блауг, 2004, с. 100], все же не стоит начинать эту историю с XX в. Дело не в термине, а в понятии. Поэтому, даже не возвращаясь к И. Бенхаму – родоначальнику “утилитаризма” и его последователю Дж. С. Миллю с тезисом о том, что “соединяясь в общество, люди не превращаются в нечто иное” [Милль, 1914 с. 798], положительно невозможно пройти мимо К. Викселя.

По словам Дж. Бьюкенена, «Виксель заслуживает всеобщего признания как основоположник современной теории общественного выбора, поскольку в его диссертации 1896 г. присутствовали три важнейших элемента, на которых базируется эта теория: *методологический индивидуализм* (курсив мой. – *А.Р.*), концепция “человека экономического” (*homo economicus*) и концепция политики как обмена» [Бьюкенен, 1997, с. 18]. Виксель принадлежит и тезис, выражающий суть методологического индивидуализма: “...если полезность для каждого отдельного гражданина равна нулю, то совокупная полезность для всех членов общества будет равна только нулю и ничему другому” (цит. по [Бьюкенен, 1997, с. 19]). Став абсолютной антитезой холизму и отвергая всякую возможность того, что социальные общности обладают предпочтениями и функциями, несводимыми к предпочтениям и поведению индивидуумов, методологический индивидуализм занял центральное место в экономической теории.

Однако такое положение давно вызывает у меня чувство неудовлетворенности. Именно здесь я вижу одну из главных преград развития экономической теории, как и причину необоснованного сужения экономического анализа, ограниченного рамками методологического индивидуализма. Последний вывод можно представить в инверсионной форме: отказ от радикализации методологического индивидуализма представляет возможность расширения границ социального анализа, формирования экономической методологии социального либерализма с использованием более общих предпосылок, применяемых в ряде научных дисциплин, скажем, в институциональной теории, социологии, философии и т.п. В связи с этим хочу высказать ряд замечаний в

⁷ При использовании понятия “общественные интересы” я старался сохранить терминологию, которую применяли те или иные авторы: коллективные или общие потребности, потребности или интересы общества как такового, интересы или предпочтения общества в целом и т.п.

⁸ Речь идет именно о мировоззрении. Недавно в лекции А. Маскина, занимающегося сравнительными исследованиями американской и русской театральными школами, я услышал любопытное объяснение, почему в Америке фактически нет репертуарного театра. По мнению американского эксперта, это связано с методикой подготовки актеров и режиссеров, доминанта которой – ориентация исключительно на творческую индивидуальность при игнорировании феномена ансамбля, составляющего основу репертуарного театра. Такой вот получилась американская проекция индивидуалистического мировоззрения на театральное искусство.

отношении интерпретации индивидуализма и холизма. Но сначала о некоторых аргументах *pro et contra*.

Приведу несколько известных утверждений. А. Шэффле, например, писал о наличии общественных потребностей, “которые не могут быть обеспечены отдельными членами общества” [Schaffle, 1873, S. 113]. Еще более определенно высказался К. Менгер: “...не только у человеческих индивидуумов, из которых состоят их объединения, но и у этих объединений есть своя природа и тем самым необходимость сохранения своей сущности, развития – это общие потребности, которые не следует смешивать с потребностями их отдельных членов и даже с потребностями всех членов, вместе взятых” [Menger, 1923, S. 8]. Альтернативные суждения, типичные для двадцатого столетия, можно найти у П. Самуэльсона (“я не предполагаю наличие мистического коллективного разума, который позволяет наслаждаться использованием коллективных потребительских благ” [Samuelson, 1954, p. 387]); Р. Масгрейва (“поскольку группа людей как таковая не может говорить, возникает вопрос, кто способен выразить чувства этой группы” [Musgrave, 1959, p. 87]); К. Поппера (“поведение и действия таких коллективов, как группы, должны быть сведены к поведению и действиям отдельных людей” [Поппер, 1992, с. 109])⁹. Этот ряд можно продолжить; набор таких простых аргументов и контраргументов достаточно велик с каждой стороны.

Но мне кажется, что время *простых* аргументов прошло. С позиций современной науки об обществе с ее принципиальной предпосылкой о “фоновом пространстве значений”¹⁰ и институциональным пониманием социума они уже не кажутся столь убедительными. Представление же о том, что носителем всякого интереса является какое-либо одушевленное существо, явно избыточно и, я бы сказал, несколько поверхностно. В условиях усложнения связей между людьми сами институты генерируют специфические интересы отдельных общностей индивидуумов и общества в целом. При “подключении” же теории игр к обсуждению данного вопроса стал очевиден и другой вывод: в результате автономных и своекорыстных решений индивидуумов их совокупность в целом может перейти в положение, противоречащее целям каждого из них. Иначе говоря, полученный результат не всегда редуцируется к функциям полезности индивидуумов, что свидетельствует и о наличии у социальной целостности системных свойств, не имеющих у индивидов.

Вернусь, однако, к дискуссии вокруг дилеммы “индивидуализм–холизм”, которая в 1950-х гг. развернулась с особой силой [Блауг, 2004; The Nature... 1969; Modes... 1973]. Одна из ее особенностей была связана с тем, что критики холизма, включая отечественных адептов методологического индивидуализма, не вполне обоснованно стали выводить его из “онтологического индивидуализма” – того, что общество состоит из людей, из представлений о создании общественных институтов индивидуумами, а социальные целостности есть лишь гипотетические абстракции [Kincaid, 1998, p. 295].

Однако такой подход поддержан далеко не всеми: “Люди не создают общество, поскольку оно всегда существует до них и является необходимым условием их деятельности” [Bhaskar, 1989, p. 36]. Приведу и слова Блауга: “...но хотя на тривиальном уровне онтологический индивидуализм и справедлив, он не обязательно связан со способом, которым мы должны или не должны изучать коллективные феномены, то есть с методологическим индивидуализмом” [Блауг, 2004, с. 101]. При этом, по-видимому, уже сложилось общее впечатление о недостаточной корректности перехода от

⁹ По мнению Блауга, “собственные работы Поппера не дают представления о том, насколько решительно он настаивает на методологическом индивидуализме” [Блауг, 2004, с.100], и в известном методологическом споре 1950-х гг. сам Поппер не участвовал.

¹⁰ Речь идет о наличии такого пространства, существующего вне голов индивидуумов, в котором их мысли и слова обретают общий смысл [Витгенштейн, 1994]. Я еще вернусь к этому важному философскому положению, которое, на мой взгляд, создает основу для научного объяснения процессов формирования социальных установок.

“онтологического индивидуализма” к методологическому индивидуализму [Ходжсон, 2008, с. 45, сн. 3].

В конце XX в. центр дискуссии сместился к социологам, сохранившим историческую “оппозицию крайностей” – методологический коллективизм Э. Дюркгейма [Дюркгейм, 1899; Гофман, 2001] с требованием рассматривать общественные явления как феномен социальной целостности, не редуцируемый к индивидуальным действиям, и методологический индивидуализм М. Вебера [Вебер, 1980; 1994] с установкой на их объяснение исключительно через действия индивидуумов. И все же главный вектор этой дискуссии сместился в область менее радикального восприятия индивидуализма.

Б. Верлен, в частности, подчеркивает, что “методологический индивидуализм не означает отрицания существования коллективностей и институтов. Равно, как не требует он и соглашаться с утверждением, что общество – это не более чем совокупность принадлежащих к нему индивидов, или что общество можно свести к индивидуальной психологии и объяснить его в ее понятиях” [Верлен, 2002, с. 16]. Близких позиций придерживается и самый последовательный попперианец Дж. Агасси, трактующий методологический индивидуализм в нейтральных и даже примирительных тонах [Agassi, 1960; 1973]. Все это указывает на формирование определенного компромисса между холизмом и индивидуализмом.

Так, Э. Гидденс, с одной стороны, рассматривает методологический индивидуализм как возможную альтернативу структурной социологии, с другой – приходит к выводу, что структурная социология и методологический индивидуализм – не такие альтернативы, что, отрицая одну, мы принимаем другую [Giddens, 1984; 2001]. Продолжает эту линию в рамках так называемой реляционной методологии и другой английский социолог – Р. Бхаскар, полагающий, что социальные отношения совместимы и с индивидуалистскими, и с коллективистскими теориями [Бхаскар, 1991]. Примерно таких же взглядов придерживается представитель французской социологии Р. Будон, подчеркивающий, что методологический индивидуализм – необходимая, но не достаточная предпосылка исследования общества, требующего обязательного рассмотрения макросоциологических феноменов [Boudon, 1988; Будон, 1999]. При этом и он позиционирует себя ближе к “центру”, оговариваясь, что уподобление группы индивидууму правомерно лишь в том случае, когда группа организована и явно наделена институциональными формами, позволяющими ей принимать коллективные решения [Boudon, 1979].

В этом контексте надо обратить внимание на работы А. Турена и М. Крозье, отличительная черта которых – признание двойственности общественной жизни, где социальные структуры и индивидуальное поведение выступают как равнозначные и взаимодополняющие элементы окружающей действительности [Touraine, 2005; Крозье, 1993, с. 35–43]¹¹. В методологическом плане их исследовательские установки вполне корреспондируют с подходами Гидденса и Бхаскара и, фактически, базируются на синтезе микро- и макросоциологических подходов, на сочетании холизма и индивидуализма без принудительного выбора в качестве первоосновы одного из них. Мне кажется, что подобные взаимодополнение и взаимообогащение создают новые возможности в исследовании общества и обеспечивают платформу для прогресса экономической методологии социального либерализма.

Теперь имеет смысл рассмотреть более сложный и, я бы сказал, даже более тонкий аспект обсуждения дилеммы “индивидуализм–холизм”. В связи с этим хочу обратить внимание на исследование канадского философа и культуролога Ч. Тейлора. Продемонстрировав один из возможных путей развития методологии социального анализа, он выделил так называемые “неразложимо социальные блага”, по природе своей не предназначенные для индивидуального потребления [Taylor, 1989; Тейлор, 2001].

¹¹ См. развернутый обзор современной французской социологии П. Ансара [Ансар, 1995–1997].

В сущности, они идентичны “социальным благам” в КЭС и теории опекаемых благ, которые, не имея индивидуальной полезности, обладают способностью удовлетворять несводимые (*неразложимые*) потребности общества [Гринберг, Рубинштейн, 2000, с. 47–54; Рубинштейн, 2008, с. 93–114]. Однако главное в работе Тейлора – даже не результат, имеющий самостоятельное значение, а аргументация. Речь идет о совершенно ином направлении анализа, опирающемся на методологию Л. Витгенштейна, обогатившего современную философию категориями мысли и языка [Витгенштейн, 1994; 2009; Болдырев, 2008], и исследования одного из создателей семиотики Ф. де Соссюра, продемонстрировавшего фундаментальные различия и циклическую связь между языком и речью [Соссюр, 2000; 2009].

Воспользовавшись уже упоминавшимся понятием Витгенштейна “фонового пространства значений, существующего вне голов индивидуумов”¹², и распространив его на отношения людей в социуме, Тейлор не только усилил доводы в пользу взаимодополняемости институтов и деятельности индивидуумов, но, что особенно важно, ввел в научный оборот феномен *общего понимания* – наличие “фоновой основы практик, институтов и представлений” [Тейлор, 2001, с. 12], имманентных обществу как социальной целостности. Такой подход обеспечил выход за “тесные рамки” методологического индивидуализма и создал философскую основу для рассмотрения социума как носителя особых свойств и даже потребностей, способных удовлетворять “неразложимо социальные блага”¹³.

Демонстрируя замкнутый соссюрский круг, Тейлор отмечает: “Речевые действия подразумевают существование языка, язык же воспроизводится в речевых действиях” [Тейлор, 2001, с. 11]. С определенной натяжкой соссюрский круг можно ассоциативно распространить и на пару индивидуумы и институты – взаимодействия индивидуумов следует рассматривать в рамках культуродетерминированных институтов, которые воспроизводятся в действиях индивидуумов. Подчеркну, что здесь Тейлор пошел дальше упоминавшихся выше социологов, сохранив, однако, характерный для них принцип взаимодополняемости холизма и индивидуализма, корреспондирующий и с методологией, используемой авторами КЭС и теории опекаемых благ.

Следование этому принципу позволяет “освободиться” от искусственной атомизации общества, поскольку не исключает анализа “влияния” и “авторитета” и допускает объяснение поведения индивидуума, в том числе “макросоциологическими переменными”. На это же указывает и Блауг применительно к экономической методологии: “...в принципе, крайне желательно, чтобы все холистические концепции, макроскопические факторы, агрегированные переменные... были определены в терминах индивидуального поведения там, где это возможно. Но когда это невозможно, не будем впадать в молчание на том основании, что мы не можем преступить принцип методологического индивидуализма” [Блауг, 2004, с. 103].

Такую *невозможность*, по-видимому, обнаружил и Кейнс. Ключевые понятия своей теории, отражающие макроэкономические характеристики системы в целом, он выводил, как известно, из макроявлений того же порядка, а не из поведения индивидуумов. И хотя критики кейнсианства настаивали на необходимости интерпретации макроявлений посредством микроэкономических действий, похоже, их точка зрения главенствовать не стала. Тезис о том, что объяснение социальных феноменов нельзя сводить к действиям индивидуумов, утвердился и в новой институциональной экономике [Aoki, 2001].

Уместно привести здесь следующие слова Дж. Ходжсона: “...несмотря на столетнее соперничество между методологическими индивидуалистами и коллективистами, у них гораздо больше общих черт, чем обычно предполагается. Методологический

¹² Иллюстрируя идеи Витгенштейна, Тейлор приводит следующие слова: “Мысли подразумевают и требуют фоновое пространство значений для того, чтобы быть теми мыслями, которыми они являются” [Тейлор, 2001, с. 10].

¹³ Назвав феномен “общего понимания” культурой и применив подход Соссюра к широкому классу социальных явлений, Тейлор определил тем самым ее единственного носителя – общество как таковое.

индивидуализм требует объяснять общество с точки зрения индивида, теряя из виду ключевые механизмы социального влияния, а потому приходится принимать цели и предпочтения индивидов как заданные. Методологический коллективизм объясняет индивида через общество и, следовательно, ему недостает адекватного объяснения того, как могут меняться цели и предпочтения индивидов. Варианты объяснений в рамках обеих методологических стратегий различны, но результаты в существенных своих чертах схожи” [Ходжсон, 2008, с. 51].

Не помню, где я прочел (возможно, у А. Гофмана), но хорошо помню смысл прочитанного. Существует множество уровней исследования общества и человеческих реальностей – микро-, макро- и т.д. При этом специфика различных уровней никогда не исчезает: любой исследователь в одних случаях объясняет индивидуальное поведение общественными условиями, в которых находятся индивиды, в других – анализирует коллективы с помощью индивидуального поведения. Иначе говоря, дискуссия о “единственно верном” индивидуализме или холизме не может дать каких-либо философских или онтологических результатов. Данный вывод, по-видимому, и есть суть реляционной методологии, с которой я склонен согласиться.

Похоже, эта методология оказалась близкой и для ряда российских экономистов. Не претендуя на полноту изложения их взглядов, попробую выделить характерные для них общие позиции. Так, В. Автономов рассматривает индивидуума как “биосоциальное” существо, находящееся, с одной стороны, под влиянием своей индивидуальной биологической природы, а с другой – под воздействием общественных институтов [Автономов, 1998, с. 192]. Примерно то же самое утверждает и А. Шаститко, подчеркивающий, что человек оказывается как бы “вписанным” в институциональную структуру. Поэтому и действия таких “биосоциальных” индивидуумов описываются через систему институциональных связей [Шаститко, 1996, с. 44]. Размышляя о методологии общего социального анализа, В. Полтерович также готов к более мягкому пониманию индивидуализма, отмечая, что макроэкономические эффекты должны быть представлены как результат взаимодействия отдельных акторов в рамках существующих институтов. При выборе “элементарных акторов” следует добиваться рационального компромисса между их простотой и обзорностью модели [Полтерович, 2010]. Подводя предварительные итоги, можно констатировать, что на рубеже XX–XXI вв. появилось понимание правомочности более широкого подхода к исследованию экономических процессов, основанного на взаимодополняемости методологического индивидуализма и холизма.

Этот небольшой экскурс потребовался мне для того, чтобы объяснить собственные намерения и свой подход к экономической методологии социального либерализма. В ее основание я хотел бы поместить принцип комплементарности полезностей, допускающий наличие интересов социальных целостностей, не сводимых к интересам составляющих их индивидуумов. Иначе говоря, там, где это возможно, общественные предпочтения желательно описывать в виде агрегата предпочтений индивидуумов, когда же это невозможно, следует рассматривать иные законы формирования интересов социума. И если индивидуальные предпочтения, вливаясь в рыночный поток, усредняются на всем множестве индивидуумов, то предпочтения общества как такового, существующие наряду с ними, в процессе такой редукции не участвуют и определяются посредством механизмов политической системы. Формируемые в различных институциональных средах эти интересы *дополняют* друг друга.

Таким образом, речь идет о двух параллельных процессах, о рыночной и политической ветвях. Одна из них связана исключительно с индивидуальными предпочтениями и их гармонизацией с помощью рыночного механизма, другая отражает процесс зарождения, распространения и актуализации нормативных интересов общества посредством институтов политической системы. При этом нормативные интересы социума в меру *развитости* общества и его политической системы вбирают в себя весь спектр общественных предпочтений, основанных на социально одобряемых ценностях и этических нормах, идеях справедливости и целесообразности, иных со-

циальных установках¹⁴. Иначе говоря, в область нормативных интересов общества, генерируемых политической ветвью, попадает все то, что Самуэльсон предписывал своему “эксперту по этике” [Samuelson, 1954, p. 388].

Следует отметить, что социальные установки, ценности, взгляды на справедливость, этические аспекты общественного выбора в экономической методологии занимают особое место. И ряд авторов, сохраняя свою приверженность индивидуалистической норме, пытаются “вписать” решение этих вопросов в стандартные или несколько расширенные модели неоклассической теории, придерживаясь доктрины “просвещенного собственного интереса” [Хиршман, 2004, с. 444]. К ним можно отнести и попытки некоторых отечественных экономистов разрешить “конфликт рациональности” путем объяснения альтруистического поведения индивидуумов исключительно в рамках рыночной ветви формирования общественных интересов [Тамбовцев, 2008]. Строго говоря, сюжет этот не нов, и в данном контексте совершенно оправданным выглядит обращение к Х. Марголису, одним из первых расширившему понятие рациональности, включив в него альтруизм¹⁵. Однако вывод В. Тамбовцева, согласно которому «подобная трактовка функции полезности как функции, определенной не только на множестве товаров, но и на множестве состояний других индивидуумов, впервые, вероятно, была предложена Г. Марголисом в книге “Эгоизм, альтруизм и рациональность: теория социального выбора”» [Тамбовцев, 2008, с. 131], содержит две неточности.

Во-первых, такую трактовку связывают обычно со знаменитой статьей А. Бергсона [Bergson, 1938] и концепцией Бергсона–Самуэльсона [Samuelson, 1978], в соответствии с которыми в традиционные функции полезности были добавлены индивидуальные предпочтения в отношении различных состояний общества¹⁶. Во-вторых, подчеркну особо, “альтруизм или чувство социальной ответственности”, были введены Марголисом в его “модели справедливого распределения” (*fair-share* модель или *FS*-модель) в качестве *группового интереса* [Margolis, 1982, p. 11]. При этом предложенные им функции полезности состоят из двух компонентов, один из которых отражает индивидуальные предпочтения, другой – предпочтения, присущие совокупности индивидуумов как целому. Однако, придерживаясь принципа методологического индивидуализма, Марголис избавляется от “внерыночного довеса” и, придав групповому интересу соответствующие веса, присоединяет его к предпочтениям индивидуумов. В этом контексте модель Марголиса не сильно отличается от модели Бергсона–Самуэльсона. Фактически и в той, и в другой теоретической конструкции присутствует *дополнительное предположение* – своеобразный “пятый постулат” неоклассики об отсутствии интереса общества как такового, формируемого в рамках политической ветви (подробнее см. [Рубинштейн, 2010, с. 79–81]).

Замечу, что политическая ветвь – не просто теоретическая абстракция, а вполне реальный, и главное – наблюдаемый, процесс, обслуживаемый институтами общества. В нем принимают участие отдельные индивидуумы – пассионарии, раньше других обнаруживающие “болевы точки” социума; средства массовой информации, общественные движения и партии, служащие “институциональным лифтом” для интересов, еще не получивших широкого распространения; представительные органы разных

¹⁴ Подчеркну, что “нормативные интересы социума, формируемые в рамках политической ветви”, – лишь некоторое приближение к потребностям общества, существующим в латентной форме. На этом важном вопросе я остановлюсь позже.

¹⁵ В трактовке Марголиса рациональный выбор должен сохранять возможность того, “что человек, который ведет себя даже таким образом, что наблюдатели считают его вредным для самого человека и окружающих, может, однако, быть рациональным” [Margolis, 1982, p. 14]. Комментируя эту модель, Д. Норт отметил, что “она позволяет объяснить некоторые модели поведения при голосовании, которые представляются бессмысленными в рамках поведенческой модели индивида, стремящегося к максимизации личной выгоды” [Норт, 1997, с. 30–31].

¹⁶ Данное предположение присутствует также в работах Д. Харсаны [Harsanyi, 1955] и ряда других экономистов. Эта же гипотеза сформулирована К. Эрроу: “...принимается, что каждый индивидуум имеет порядок предпочтений на всех возможных состояниях социума. Этот порядок выражает не только его пожелания, касающиеся собственного потребления, но и его социальные установки, его взгляды на справедливость в распределении или на блага, получаемые другими индивидуумами на основании коллективных решений” [Эрроу, 2005, с. 78].

уровней, которые в конечном итоге формулируют целевые установки, в той или иной мере соответствующие общественным ожиданиям. Именно данный процесс я рассматриваю в качестве принципиального механизма политической ветви формирования интересов общества как такового. Он должен найти соответствующее отражение в экономической методологии социального либерализма.

Интересы общества и механизмы их формирования

Обсуждая поставленный в начале статьи вопрос о природе и механизмах формирования интересов социальной целостности, соглашусь с Полтеровичем, подчеркнувшим, что дело не только в признании самого факта их существования, но и в конкретном описании политической системы, формирующей и актуализирующей эти несводимые интересы¹⁷. Вполне вероятно, что недосказанность по данному вопросу породила известное недопонимание некоторых моих коллег.

Дело в том, что если я рассматриваю политическую ветвь формирования нормативных интересов общества, обосновывая их автономность и несводимость к интересам индивидуумов, участвующих в генерировании рыночного общественного интереса, то это не означает, что нормативные интересы определяет какой-то мистический орган или иная абстракция. Конечно, нет. Как и в случае с рыночной ветвью общественного интереса, так и при формировании нормативного интереса общества участвуют конкретные люди, вступающие в определенное взаимодействие между собой и с существующими институтами. Не хочется думать, что дискуссия по данному поводу идет лишь на тривиальном уровне – участвуют или не участвуют индивидуумы в формировании нормативных интересов общества. Разумеется, участвуют. Проблема в другом: это одни и те же люди или разные индивидуумы; это одни и те же институты или разные институциональные среды, имманентные каждой из двух ветвей формирования общественных интересов? А вот здесь начинается уже содержательный анализ.

В соответствии с видением Полтеровича, например, интересы такого рода следует объяснить *различным поведением индивидуумов* в отношении одного и того же события в двух институционально разных средах – рыночной и политической. Думается, такая возможность не исключена. Другой вопрос, можно ли все варианты интересов общества как целого свести к подобной комбинации? Я склонен к отрицательному ответу. Главное, что меня не устраивает, так это само определение указанных интересов исключительно через “двоемыслие” одних и тех же людей. Повторю, я не отвергаю этот подход, но возражаю против его абсолютизации¹⁸.

Можно утверждать, в частности, что существуют интересы, генерируемые политической средой, которые в принципе нельзя определять в терминах рыночных предпочтений. У подавляющего большинства людей подобные интересы вовсе отсутствуют. И лишь статистически незначимая часть общества – те, кого Платон называл “философами”, Р. Масгрейв относил к “информированной группе людей”, а К. Шмидт – к “политикам”, способны осознать эти интересы. “Живя в обществе и, тем более, изучая его работу, необходимо принимать во внимание и такие феномены, которые не являются людьми или их комбинациями: роли, обязанности, статусы, правила, законы, обычаи” [Тейлор, 2001, с. 7–8]. Поэтому, если и можно говорить об участии остальных граждан в формировании интересов общества как такового, то очень опосредованно, имея в виду политические институты и механизмы передачи “в траст” мнения избирателей.

¹⁷ Подробное изложение позиции Полтеровича, высказанной во время наших личных бесед, содержится в [Рубинштейн, 2010, с. 111–116].

¹⁸ Справедливости ради замечу, что взгляды Полтеровича со временем несколько изменились, и сегодня он готов согласиться с моим объяснением, в соответствии с которым речь идет о *двух* источниках оценки и, соответственно, о *разных* людях. Но об этом немного позже. Добавлю, что мое собственное понимание тут тоже не стояло на месте и во многом сформировалось под влиянием неоднократных бесед с Полтеровичем, за что я ему искренне благодарен.

Возвращаясь к исходному тезису Полтеровича об интересах общества в целом, приведу главное свое возражение: речь должна идти не о различном поведении индивидуумов в отношении одного и того же события, а о *другом поведении в отношении другого события и, как правило, других людей*. Поясню, что я понимаю под “другими людьми”, “другими событиями” и “другим поведением”. Во-первых, я имею в виду демократически устроенное общество¹⁹ и его институты, включая парламент, члены которого на основе установленной процедуры “определяют” нормативные интересы общества и их текущие приоритеты. В соответствии с этим “другими людьми” является то небольшое количество выбранных индивидуумов, которому остальная часть населения доверила заботиться об общем благе. Понятно, что разговор о совпадении двух множеств индивидуумов, действующих в рыночной и политической средах, возможен лишь при замене парламентской процедуры референдумом. С учетом же того, что сам по себе референдум – достаточно редкое исключение из стандартной гражданской практики, я вправе считать, что в текущем политическом процессе формирования общественных интересов участвуют, как правило, *другие люди*.

Во-вторых, если в рыночной среде индивидуум оценивает имеющиеся альтернативы с позиций собственной выгоды²⁰, то политическая ветвь генерирует альтернативы, связанные с нормативным пониманием благосостояния общества. И в этом смысле речь, действительно, идет о “других событиях”. Например, если в рыночной среде индивидуум решает вопрос о том, пойти ему в театр или купить яблоки, то в политической среде перед “другими людьми” встает иная альтернатива: надо ли поддержать приобщение людей к театральному искусству или для общества важнее потребление фруктов. Понятно, что идентичность указанных альтернатив возможна лишь в случае проведения всенародных референдумов в отношении потребления каждого блага. Поэтому и здесь я вправе считать, что в политическом процессе формирования общественных интересов рассматриваются, как правило, *другие события*.

В-третьих, я говорю о “другом поведении”, потому что “другие люди” в своих предпочтениях от имени общества руководствуются не личными, а общественными средствами. И сколько бы ни говорить о возможной самоидентификации выбранных людей с обществом, от имени которого они принимают нормативные решения, все равно это не то же самое, когда за потребляемое благо индивидуум расплачивается отказом от собственного потребления других благ. На возможность более низкой оценки полезности общественных ресурсов для выборных людей по отношению к их собственным средствам указывают многие исследования²¹. В этом смысле даже референдум не может исправить “генетический порок” общественных средств, что, собственно, и обуславливает феномен *другого поведения*.

Столь пространные объяснения потребовались для того, чтобы еще раз разъяснить механизмы формирования нормативных интересов общества – один из ключевых элементов экономической методологии социального либерализма. Объяснив “другое поведение” “других людей”, я стремился показать, что в предложенной модели с двумя ветвями формирования интересов социума в общем случае нет места двойственности предпочтений одних и тех же индивидуумов. Речь идет о двух источниках оценки, о принципиально разных общественных интересах, выявляемых в рыночной

¹⁹ В предисловии к англоязычному изданию книги К. Викселя “Исследование по теории финансов” Бьюкенен призвал “коллег-экономистов сначала построить какую-либо модель государственного или политического устройства, а уже потом приступить к анализу результатов государственной деятельности” [Бьюкенен, 1997, с. 18]. Следуя данной методологической установке и для целей анализа формирования общественных интересов, я рассматриваю достаточно простую модель парламентской демократии.

²⁰ Вслед за Марголисом и я также готов к расширению границ смитианского своекорыстия, причем столь далеко, что альтруизм превращается в составляющую рационального поведения [Margolis, 1982, p. 17]. Замечу, что в этой постановке альтруистические интересы индивидуумов “улавливает” рыночная ветвь формирования общественных предпочтений.

²¹ Кроме работы А. Крюгер назову публикации Дж. Бьюкенена, А. Нисканена, М. Олсона, Г. Таллока. К этому добавлю, что конец столетия оказался переполнен упоминаниями о “рентоищущем классе”, “политическом доходе”, “бюрократической ренте”, “логроллинге” и т.п.

и политической среде. Собственно, это и есть содержание феномена несводимости: общественные предпочтения, сформированные в политической среде, невозможно представить в виде какого-либо агрегата предпочтений индивидуумов, выявляемых рыночными механизмами.

Исследуя такую категорию, как интерес социальной целостности, нельзя не обратить внимание и на имеющиеся различия в природе индивидуальных и групповых интересов. Надо сказать, что эта проблема никогда не пользовалась особой популярностью у экономистов. Если она и присутствует в экономическом анализе, то лишь в небольшом числе работ и скорее “по касательной”²². Главным же сюжетом после фундаментальной работы К. Эрроу, посвященной теории общественного выбора [Arrow, 1951], стало конструирование общих решений (формирование общественных предпочтений), имеющих, по определению, те же свойства, что и предпочтения индивидуумов. Причем сама эта теория с ее опорой на методологический индивидуализм не смогла расширить границы экономического анализа. Исходя из того, что общественный интерес есть лишь агрегат (комбинация) интересов индивидуумов, она фактически постулирует их одинаковую *позитивистскую* природу, оставляя за пределами анализа интересы социальной целостности, имеющие *нормативное содержание*.

Следует заметить также, что не пропавшее желание освободить экономическую теорию от ценностных представлений, приблизить ее к математике и сделать позитивистской наукой²³ привели к тому, что категория нормативных интересов оказалась практически изгнана из экономического анализа: там, где признается только “строгость и непротиворечивость”, нет места нормативным категориям [Кэй, 2012, с. 7]. Между тем без нормативных интересов многие процессы объяснить просто невозможно. Поэтому расширение границ традиционной интерпретации интереса группы видится мне весьма важным шагом к построению экономической методологии социального либерализма. В дополнение к групповому агрегату индивидуальных предпочтений, имеющих, как и интересы индивидуумов, *позитивистскую* природу, следует добавить предпочтения группы как таковой, природа которых всегда *нормативная*.

Нормативный характер интереса любой социальной группы в целом – не гипотеза и не постулат. Вне зависимости от механизмов формирования такого интереса – будь то персональное решение лидера группы, или выбор некоторой коалиции единомышленников (партии), или голосование всех членов группы, – он всегда определяется в форме ценностных суждений. В отличие от индивидуальных интересов членов группы, которые теория рассматривает в качестве того, *что есть*, интерес группы в целом формулируется в терминах *что должно быть*. Данный факт, демонстрирующий различия в природе индивидуальных и групповых интересов, указывает и на их несводимость друг к другу²⁴.

Обсуждая проблемы экономической методологии социального либерализма, включая наличие нормативного интереса общества и “уподобляя” государство рыночному субъекту, реализующему этот интерес, нельзя забывать вердикт Р. Будона, который подчеркивал, что подобные предположения правомочны лишь в том случае, если этот субъект наделен институциональными формами, позволяющими ему принимать коллективные решения [Boudon, 1979]. Таким образом, ясное и вполне выполнимое требование к государству–субъекту рынка состоит в наличии некой институциональной системы, позволяющей принимать решения от имени общества. В сущности, речь идет еще об одном аспекте рассматриваемой методологии – о политическом устрой-

²² Я имею в виду публикации, посвященные ценностным установкам общества и их отражению в институциональной теории (см., также: [Харсань, 2004]).

²³ Я имею в виду знаменитую дискуссию на собрании совета “Союз социальной политики” в Вене в 1909 г. и доктрину Вебера–Зомбарта “свободной от ценностных суждений общественной науки” (*Wertfreiheit*), имеющую и сегодня своих сторонников.

²⁴ В подтверждение этого напомним теорему Д. Юма “О невозможности” – “из того, что есть, невозможно вывести то, что должно быть”, сформулированную М. Блейком в виде знаменитой “гильотины Юма” [Black, 1970, p. 24].

стве государства и институтах гражданского общества, обеспечивающих возможность коллективных решений.

Вот здесь и возникает проблема, о которой упоминалось выше. Речь идет о факторе неопределенности. Дело в том, что нормативные интересы общества всегда и в каждый момент времени обретают определенность лишь в форме своей проекции, детерминированной действующей политической системой и сложившейся институциональной средой, способными как приближать, так и отдалять общественный выбор от общественных потребностей. Иначе говоря, политическая ветвь актуализирует лишь такие интересы, которые готова признать сама политическая система, то есть совокупность действующих институтов и индивидуумов, обладающих властными полномочиями. Именно эти интересы, вне зависимости от их приближения к существующим в латентной форме потребностям социума, становятся, *по определению*, нормативными интересами общества. И хотя механизмы “социального иммунитета” вносят со временем свои коррективы, “исправляя” общественный выбор [Гринберг, Рубинштейн, 2000, с. 210], преодолеть фактор неопределенности не удастся. Повторю, мы всегда имеем дело с некоторыми приближениями интересов общества как такового²⁵.

Следует отметить также, что если в недавнем прошлом доминировала концепция “благожелательного государства”, активность которого направлена на реализацию действительно общественных интересов, то к концу XX в. все большую роль начинает играть тезис о смещении общественного выбора и связанных с ним политических решений в сторону интересов правящих элит [Stigler, 1971]. На эту же тенденцию обращает внимание и Ж.-Ж. Лаффон, рассматривающий «“аутентичного советника” правящей партии, который предлагает программу действий, увеличивающую ее выгоды в данной экономической и политической ситуации» [Лаффон, 2007, с. 22–23].

Соглашаясь с таким трендом, надо иметь в виду упомянутый выше фактор неопределенности, который заставляет рассматривать программу “аутентичного советника” также в виде некоторой проекции интересов общества, существующих в латентной форме. Кроме того, было бы ошибочным исходить из наличия единственно возможного или объективно лучшего выбора. Он всегда лежит в поле нормативных решений, где главную роль играют социальные установки и целевые ориентиры правящей партии или коалиции, составляющей большинство в парламенте. Именно их решениями латентный интерес социума трансформируется в нормативный интерес, формулируемый группой людей, обладающих соответствующими полномочиями. Так или иначе, но здесь всегда имеет место субъективизм в определении нормативного интереса, который ряд авторов объясняют феноменом “принципал–агент”: реально принимающие решения политики (агенты) могут иметь свои предпочтения, не совпадающие с предпочтениями избирателей (принципал), от чьего имени они действуют [Афонцев, 2010]²⁶.

И дело не только в том, насколько представитель парламент и как организована его работа. В силу неоднородности общества сформулированный правящей партией нормативный интерес всегда будет отличаться от реальных потребностей социума. Относится это к любым “коллективным решениям”. Поэтому при обсуждении экономической методологии социального либерализма необходимо исследовать возможности развития институтов гражданского общества, которые в условиях неопределенности интересов социума способны уменьшить отклонение от них общественных интересов, сформулированных политиками. Частичное решение проблемы предложил Лаффон, назвавший его “подходом с позиции полной конституции” [Лаффон, 2007, с. 29]²⁷.

²⁵ Замечу, что и рыночная ветвь общественных интересов страдает синдромом неопределенности. Вспомнив условия теоремы Эрроу–Дебре, легко понять, что они выполняются крайне редко, обуславливая свои “проекции” общественного интереса.

²⁶ Более общее объяснение присутствует в работах по новой политэкономии (см., например, [Persson, Tabellini, 2005; Либман, 2007; 2008]).

²⁷ В этом контексте интерес представляют и работы Ж. Тироля, предложившего модель с “надзорными технологиями” [Tirole, 1986].

Это, конечно, не механизмы формирования нормативных интересов общества, а лишь некие рамки, ограничивающие политические решения, которые должна учитывать экономическая методология социального либерализма.

Разделяя присущий многим скепсис в отношении адекватности политических решений, я исхожу из того, что преодолеть такое положение дел при отсутствии соответствующих каналов выражения мнений и требований различных общественных групп, законных возможностей отстаивания их прав очень сложно, если вообще реально. Поэтому нельзя не думать об адекватных демократических институтах, которые настолько отражают интересы различных общественных групп, насколько развито гражданское общество [Posnett, 1987; Rose-Ackermann, 1996; Salamon, Hems, Chinnock, 2000; Аузан, Тамбовцев, 2005]. Задачи такого рода или хотя бы пути их решения также должны быть отражены в экономической методологии социального либерализма. При этом какими бы ни были общественные предпочтения, сформулированные парламентом в качестве нормативных интересов общества, их необходимо учесть в экономическом описании, в частности в условиях рыночного равновесия.

В этом контексте предпринятое расширение исходных предпосылок исследования, обеспечивающего выход за жесткие границы методологического индивидуализма и включения в анализ нормативных интересов общества, формируемых политической системой, позволяет обсудить еще одну часть экономической методологии социального либерализма. Речь идет о замене стандартных для неоклассической теории частных товаров более общей совокупностью опекаемых благ и возможности построения для них модели равновесия с учетом как индивидуальных предпочтений, так и интересов общества в целом²⁸.

Модификация модели Викселля–Линдала

В соответствии с теорией опекаемых благ универсальным признаком этих особых товаров и услуг служит их социальная полезность, то есть способность удовлетворять нормативные интересы общества. Сами же эти интересы являются общим мотивом для активности государства, которое, будучи автономным субъектом рынка, стремится максимизировать свою функцию полезности [Рубинштейн, 2009^a; 2009^b]. Принимая во внимание данные обстоятельства, попытаюсь ответить на третий вопрос, сформулированный в начале работы и относящийся к построению экономической модели, учитывающей как интересы отдельных индивидуумов, так и общества в целом.

Введем для этого некоторые обозначения. Из поставленной задачи следует, что в описание рыночного равновесия должны быть включены два качественно разных интереса U_I и U_S . Один из них представляет собой рыночный агрегат индивидуальных предпочтений, трансформируемых механизмом невидимой руки в интерес $U_I = f(U^1, U^2, \dots, U^m)$, где U^i – функция полезности i -го индивидуума. Другой – нормативный интерес общества U_S , формируемый в границах и посредством существующей политической системы. Иначе говоря, U_I и U_S обозначают результаты “работы” двух институционально разных ветвей формирования интересов общества. Пусть *мегаиндивидуум* представляет рыночный агрегат предпочтений индивидуумов U_I , а *меритор* является носителем нормативных интересов U_S , генерируемых политической системой.

Говоря о рыночном агрегате U_I , я имею в виду агрегированную функцию индивидуальных полезностей $U_I(A)$, заданную на множестве точек конкурентного равновесия $A \{A_1, \dots, A_j, \dots, A_k\}$, в которых для каждой j -й кривой предложения R_j значение функции $U_I(A_j)$ определяется равновесной ценой $p_j = p(A_j)$ и соответствующим объемом блага

²⁸ Следует отметить, что частично задача расширения объекта исследования была решена Самуэльсоном в его знаменитой четырехстраничной статье, где к стандартным частным благам были добавлены общественные товары [Samuelson, 1954]. При этом построенная модель равновесия опиралась исключительно на интересы индивидуумов, а нормативные интересы общества, оставшиеся за пределами модели и вне экономики, были делегированы Самуэльсоном “эксперту по этике”.

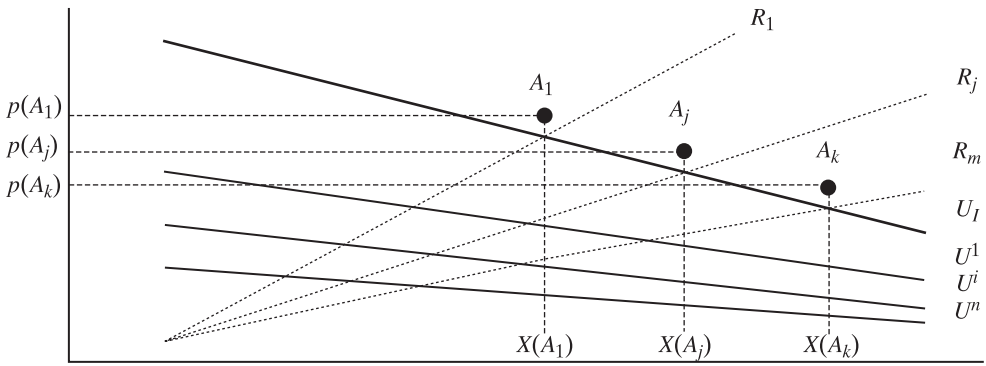

Рис. 1. Рыночный агрегат функций полезности индивидуумов.

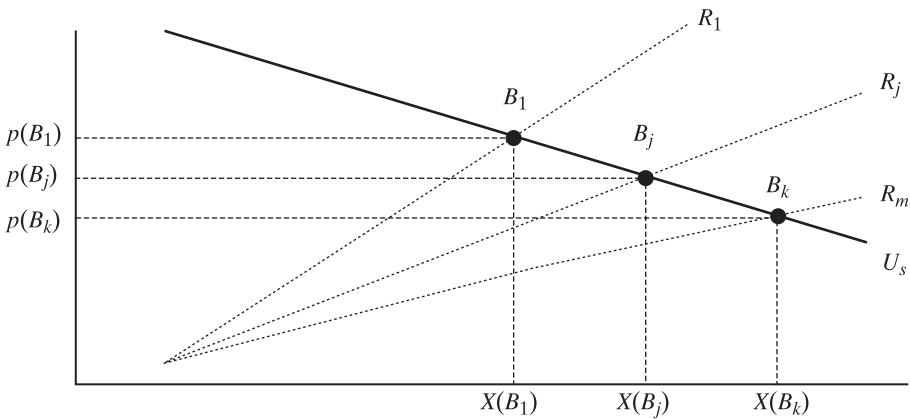

Рис. 2. Функция полезности меритора.

$x_j = X(A_j) = x_j^1 + x_j^2 + \dots + x_j^n$. При этом различные точки равновесия обусловлены внешними условиями – кривыми предложения R_j (см. рис. 1).

Для того чтобы определить нормативный интерес U_S , формируемый в рамках политической системы, воспользуемся следующей **Леммой I**. Всякий нормативный интерес общества U_S может быть выражен в потребности меритора в увеличении (уменьшении) объема производства (потребления) некоего блага по отношению к той величине, которая соответствует рыночному равновесию, то есть равенству предложения и агрегированного спроса мегаиндивидуума на это благо. Согласно данной лемме, интерес U_S материализуется в форме дополнительного спроса, предъявляемого меритором в отношении блага X , ставшего предметом общественной опеки. Говоря о спросе меритора, я имею в виду функцию социальной полезности $U_S(B)$, заданную на множестве точек $B \{B_1, \dots, B_j, \dots, B_k\}$, в которых для каждой j -й кривой предложения R_j значение функции $U_S(B_j)$ определяется ценой $p_j = p(B_j)$, которую готов заплатить меритор за потребление данного блага индивидуумами в объеме $x_j = X(B_j)$ (см. рис. 2).

При этом нельзя упускать из вида особенности функции социальной полезности U_S . Как следует из описанных выше механизмов формирования нормативных интересов общества, в их основе лежат, во-первых, предпочтения “других людей”, во-вторых, и это самое главное, не потребность в приобретении опекаемого блага X этими, “другими людьми”, в частности членами парламента или иными представителями власти, принимающими решение от имени общества, а нормативные установки по поводу “другого события” – в данном случае в отношении суммарного объема потребления

опекаемого блага теми же самыми индивидуумами, интересы которых представляет мегаиндивидуум U_I .

Поэтому при реализации нормативного интереса U_S , то есть при потреблении блага X в соответствующем объеме x_j , наблюдаются два результата: наряду с удовольствием индивидуумов имеет место удовлетворенность их сообщества в целом общим уровнем потребления указанного блага. Это означает, что суммарный объем опекаемого блага $x_j = x_j^1 + x_j^2 + \dots + x_j^n$ входит одновременно, причем в одинаковом количестве, в функции полезности мегаиндивидуума и меритора. Без потребления блага X индивидуумами не может удовлетворяться нормативный интерес общества, и чем больше достается индивидуумам, тем в большей степени реализуется и общественный интерес. Нетрудно показать, что в этом случае опекаемое благо проявляет два известных свойства – неисключаемость и несоперничество мегаиндивидуума и меритора. Иначе говоря, опекаемое благо X превращается в общественный товар, который мегаиндивидуум и меритор потребляют совместно и в равном количестве²⁹.

В связи с этим обратим внимание на следующий феномен. Возникновение интереса U_S в дополнение к интересу U_I в отношении опекаемого блага X и появление отвечающих за эти интересы пары игроков – меритора и мегаиндивидуума сопровождаются социальной мутацией самого блага X . Я имею в виду приобретение данным благом свойств общественного товара³⁰. Общий вывод можно сформулировать в следующей *Лемме II (центральная лемма)*. Если индивидуумы из множества N имеют предпочтения U^1, U^2, \dots, U^n в отношении частного товара X и их агрегированный посредством рыночных механизмов совокупный интерес $U_I = f(U^1, U^2, \dots, U^n)$ дополняет нормативный интерес общества U_S в отношении этого же блага, то само благо X приобретает некую двойственность: оставаясь частным благом для всех индивидуумов из множества N , оно выступает в качестве общественного товара для пары носителей интересов $U_I(X)$ и $U_S(X)$.

Замечу, что в данной ситуации имеет смысл рассматривать только двух субъектов, для которых благо X становится общественным. Дело в том, что для отдельных индивидуумов опекаемое благо X по-прежнему остается частным³¹ и любой из них действует в ситуации соперничества, и каждого можно исключить из процесса потребления данного блага. Но может ли меритор образовывать пару совместного и равного потребления с каждым индивидуумом в отдельности? Конечно, нет. Дело в том, что индивидуумы потребляют это благо в разных объемах X_j^i . И лишь мегаиндивидуум, потребляющий суммарный объем опекаемого блага $x_j = x_j^1 + x_j^2 + \dots + x_j^n$, выступает партнером меритора по совместному и равному потреблению этого блага.

Размышляя о модели равновесия, учитывающей интерес индивидуумов и общества в целом, имея в виду центральную лемму (*Лемма II*) и размышляя о модели равновесия, учитывающей интерес индивидуумов и общества в целом, нетрудно понять, что решение данной задачи сопряжено с определением величины совокупного спроса на опекаемое благо. При этом очевидно, что генетическая неоднородность интересов мегаиндивидуума и меритора не допускает простого суммирования объемов потребления опекаемого блага участниками этой пары. Кроме следствия из уже упоминавшейся “гильотины Юма”, об этом же свидетельствует и тот факт, что в каж-

²⁹ В формулировке Самуэльсона “общественным является товар, входящий в одинаковом количестве в две или более индивидуальные функции полезности” [Samuelson, 1954, p. 108]; как указывает Блауг, ссылаясь на У. Машола, “особая природа общественных благ заключается в том, что их потребление может быть только совместным и равным: чем больше достается одному домохозяйству, тем больше, а не меньше достается любому другому” [Блауг, 1994, с. 549]. Замечу также, что при описании общественных благ часто пользуются адекватными этим дефинициям свойствами “неисключаемости” и “несоперничества”.

³⁰ Хочу обратить внимание на аналогичные рассуждения Марголиса при рассмотрении поведения S -Смита, отвечающего за своекорыстие, и G -Смита – за альтруизм, внутри одного индивидуума, повлекшие за собой признание любого блага общественным товаром для данной пары участников в FS -модели [Margolis, 1982, p. 36–46].

³¹ За исключением тех случаев, когда оно исходно, до попадания под опеку общества, проявляло свойства общественного товара.

дой точке конкурентного равновесия A_j функция полезности мегаиндивидуума $U_j(A_j)$ обусловлена предпочтениями индивидуумов, а функция полезности меритора $U_s(B_j)$ есть результат выбора “других людей” в отношении “других событий”. К сказанному следует добавить и то обстоятельство, на которое я уже обращал внимание, – меритор удовлетворяет свой нормативный интерес исключительно в результате потребления мегаиндивидуума.

Выход из создавшейся ситуации подсказывает та же *Лемма II*. Из нее непосредственно вытекает возможность использования известной модели равновесия Викселля–Линдаля для общественных товаров, предусматривающая схему вертикального суммирования функций спроса [Wicksell, 1896; Lindahl, 1967]. Учитывая социальную мутацию опекаемого блага и его превращение в общественный товар для мегаиндивидуума и меритора, при небольшой модификации эта модель может быть обобщена для всей совокупности опекаемых благ, то есть для любых товаров и услуг, обладающих социальной полезностью.

Рассмотрим данный вопрос несколько подробнее, сопоставляя базовую и модифицированную модель Викселля–Линдаля. Во-первых, и в той и в другой модели рассматривается единичное общественное благо и два субъекта: у Линдаля – агрегированная группа индивидуумов, обладающих высоким доходом, а также агрегированная группа менее обеспеченных индивидуумов; в модели для опекаемых благ их заменяют носители агрегированных интересов, располагающие собственными средствами, – мегаиндивидуум и медиатор.

Во-вторых, в модели Викселля–Линдаля “спрос одного участника на общественное благо по определенной цене зависит от точки зрения другого участника, так как предложение данного блага возможно только в случае покрытия всей стоимости его производства” [Lindahl, 1967, p. 85]. В модифицированной модели для опекаемых благ это условие также претерпевает некоторые изменения. Устанавливаемые меритором цена и объем опекаемого блага зависят от цены, по которой мегаиндивидуум готов приобретать этот суммарный объем данного блага, обеспечивая полное покрытие издержек его производства.

В-третьих, в модели Викселля–Линдаля “спрос и предложение касаются не общественных товаров как таковых, а доли пользования ими”. Адекватен этому и процесс финансирования, который “устроен таким образом, что каждый индивид вносит налоговый взнос, соответствующий его оценке общественного блага” [Lindahl, 1967, p. 86, 91]. С учетом же того, что в модифицированной модели действуют не отдельные индивидуумы, а мегаиндивидуум и меритор, вклады участников также определяются предельными полезностями. Однако речь здесь идет уже не о налогах, а о ценах: о единой цене p_j , по которой каждый i -й индивидуум готов покупать определенный объем опекаемого блага x_j^i ; и цене p_j^S , по которой меритор готов оплачивать опекаемое благо в объеме $x_j = x_j^1 + x_j^i + \dots + x_j^n$.

Легко заметить, что предложенная модификация базовой модели не меняет общего вывода: совокупный спрос в этой модели определяется путем вертикального суммирования кривых спроса мегаиндивидуума и меритора, а Парето-эффективное равновесие для данной пары игроков, имеющих персональные интересы в отношении опекаемого блага X , реализуется в форме равновесия Викселля–Линдаля. Подчеркну особо, что в данном равновесии участники потребляют общественное благо в равном количестве, но по разным ценам (см. рис. 3).

Этот вывод дает основание для следующей *Леммы III* (*лемма инверсии*). Возникновение нормативного интереса общества U_s в отношении любого частного блага X , которое индивидуумы приобретали в разных количествах x_j^i , но по единой цене p_j^i , порождает социальную мутацию этого блага и приводит к инверсии его равновесных цен и количества: мегаиндивидуум и меритор приобретают ставшее для них общественным благо в одинаковом количестве X_j , но по разным ценам p_j^i и p_j^S . Лемма инверсии устанавливает связь между появлением нормативного интереса в отношении частного блага и инверсией цен и количества данного блага при определении

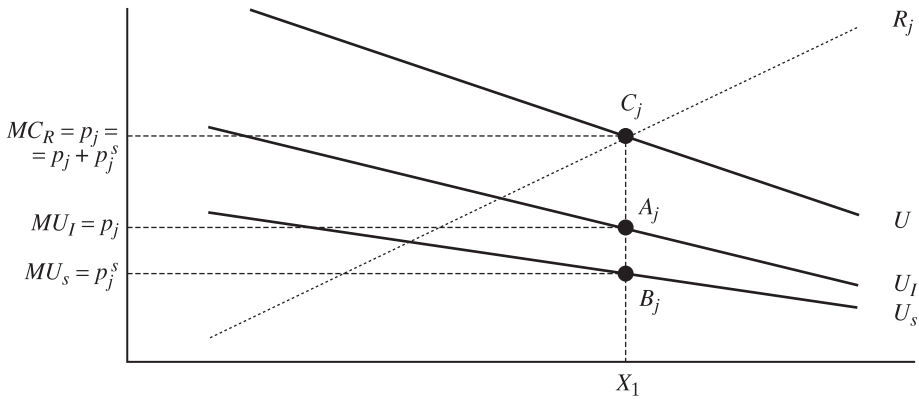

Рис. 3. Равновесие Векселя–Линдаля для опекаемых благ.

совокупного спроса, учитывающего как индивидуальные предпочтения, так и общественные предпочтения. Следует подчеркнуть также, что в предложенной модификации модели Векселя–Линдаля цены равновесия имеют разную природу³². В основе персонализированной цены мегаиндивидуума (p^I) лежит предельная индивидуальная полезность частного блага X ; цена, оплачиваемая меритором (p^S), также соответствует предельной, но уже социальной полезности общественного блага X и отражает ту часть бюджетных ресурсов меритора, которая расходуется на реализацию социального интереса U_S .

Сформулирую теперь общий вывод, причем также в виде *Леммы II*. В обобщенной версии равновесия с учетом того, что на рынке одновременно оперируют индивидуальные субъекты с присущими им предпочтениями U^1, U^2, \dots, U^n и действующее от лица общества государство, стремящееся реализовать выявляемые политической системой общественные предпочтения U_S , равновесие достигается тогда, когда предельные издержки уравниваются суммой предельной индивидуальной и предельной социальной полезности блага: $MC_R = MU_I + MU_S$.

Иначе говоря, построенная модель демонстрирует последствия появления нормативного интереса общества в отношении частного товара или услуги – его превращение в опекаемое благо и изменение стандартных условий равновесия посредством добавления еще одной составляющей, отражающей расходы государства, направленные на реализацию данного интереса. Собственно, это и есть общее описание условий равновесия для любых разновидностей рынков опекаемых благ, которое необходимо учитывать в экономической методологии социального либерализма. Дело в том, что возникновение нормативного интереса социума меняет конфигурацию равновесия – совокупность его участников. Так, появление среди субъектов рынка государства, стремящегося максимизировать функцию социальной полезности, в состав которой входят различные виды опекаемых благ, обуславливает один и тот же тип государственной активности. Речь всегда идет об обмене бюджетных средств на социальную полезность, извлекаемую посредством реализации общественного интереса U_S .

Следует обратить внимание на выделенный выше термин “появление” применительно к нормативному интересу общества. Этим я хотел подчеркнуть динамический характер данной категории. Действительно, в общем случае надо говорить о процессах возникновения и исчезновения нормативного интереса. Это следует из самой природы рассматриваемого феномена: всегда можно представить такие социально-экономические и политические условия и такие вызванные этими условиями ценностные

³² Напомню, что в трактовке самого Линдаля речь идет о совокупности граждан, приобретающих одинаковое количество общественного блага, но по разным ценам. При этом все эти цены, будучи налоговыми взносами индивидуумов, имеют одну и ту же природу.

суждения и нормативные установки, когда их достижение потребует наделять социальной полезностью, то есть способностью удовлетворять соответствующий социальный интерес, любой товар и или услугу, превращая их в опекаемое благо. Подобная связь указывает на *историчность* и *эволюционный* характер класса опекаемых благ: отказ от прежних целевых установок и появление новых задач приводят к тому, что одни блага утрачивают способность удовлетворять общественные интересы, другие же, наоборот, ее приобретают [Рубинштейн, 2008, с. 113–143].

* * *

В заключение еще один комментарий в отношении самой категории “социальный либерализм”. Мое желание вернуться к этой теме продиктовано намерением подтвердить свои мировоззренческие позиции: мне одинаково чужды и рыночный фундаментализм, и коммунистическая идеология. Поэтому любые попытки оппонентов увязать одно из ключевых положений разрабатываемой методологии – наличие несводимых потребностей общества как такового – с давно устаревшей “органической концепцией” или “новыми” социалистическими идеями, я рассматриваю как недопонимание моих разработок, требующее дополнительных разъяснений.

В этом ряду – сомнения ряда исследователей, указывающих на близость тезиса о существовании интересов общества как целого к недемократическим социально-экономическим системам, к тому, что было в советское время, когда утверждалось, что общественные интересы имеют примат перед личными. Некоторые из моих коллег и вовсе опасаются, что предлагаемая “начинка” социального либерализма может стать удобным идеологическим прикрытием для тех, кто стремятся навязать обществу свои представления о благополучии. Такие опасения понятны, особенно с учетом человеконенавистнических режимов А. Гитлера и И. Сталина. По-видимому, этим историческим опытом объясняется и столь жесткая индивидуалистическая позиция Ф. Хайека, К. Поппера, Дж. Бьюкенена и других выдающихся ученых XX в.

Отвечая на подобного рода аргументы, считаю важным, во-первых, заявить свою *правоцентристскую* позицию. Без всяких оговорок я отношу себя к категорическим противникам любых версий подчинения индивидуальных интересов общественным потребностям. И в этом смысле я на стороне Хайека, Поппера и Бьюкенена. Однако сам факт признания интереса общества как такового не означает подчинения ему интересов индивидуумов. Иначе говоря, дополнение индивидуальных интересов общественными не предусматривает их иерархии. И в этом смысле экономическая методология социального либерализма, развивающая либеральную парадигму посредством введения институтов конкуренции за ресурсы между рыночной и политической ветвями формирования общественных интересов – абсолютно рыночная конструкция.

Во-вторых, реально заданная иерархия потребностей в тоталитарных обществах, выраженная в подчинении индивидуальных интересов “общественным”, требует отказа от комплементарности полезностей и допускает только одну, вне рыночную ветвь формирования этих интересов. Наличие иерархии не оставляет места для несводимости, так как *a priori* постулируется совпадение личных и общественных интересов: “все, что хорошо для общества, хорошо и для индивидуумов”. Здесь невольно напрашивается ассоциация с теоремой Эрроу “О невозможности”, с ее единственным случаем, когда “невозможное становится возможным”, когда предпочтения индивидуумов тождественны предпочтениям диктатора. В тоталитарном обществе все интересы сводимы. Несводимость же существует лишь в демократическом обществе, где интересы индивидуумов различны.

И наконец, в-третьих, исторический опыт и эволюция либеральной идеологии продемонстрировали, что без учета социальной составляющей всеобщего благосостояния в достаточной степени невозможно обеспечить ни права индивидуумов, ни их свободы. При этом традиционная интерпретация социального компонента исключительно в терминах комбинации индивидуальных предпочтений дала незначитель-

ный прирост “объяснительного потенциала”, даже в том случае, когда своекорыстие включает в себя и альтруизм, а условие рациональности заменяется ограниченной рациональностью.

Поэтому предложенное в данной статье приближение теоретической конструкции к реальной практике в результате включения в экономический анализ двух ветвей формирования общественных интересов и учет их конкурентных взаимодействий в рыночном равновесии представляется мне существенным шагом не только в достижении определенной сбалансированности либерального и социального компонентов, но и в развитии общей экономической методологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Автономов В.С.* Модель человека в экономической науке. М., 1998.
- Ансар П.* Современная социология // Социологические исследования. 1995. № 12; 1996. №№ 1–2, 7–10; 1997. № 7.
- Аузан А.А., Тамбовцев В.И.* Экономическое значение гражданского общества // Вопросы экономики. 2005. № 5.
- Афонцев С.А.* Политические рынки и экономическая политика. М., 2010.
- Блауг М.* Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют. М., 2004.
- Блауг М.* Экономическая мысль в ретроспективе. М., 1994.
- Болдырев И.* Языковые игры и экономическая теория мейнстрима. М., 2008.
- Будон Р.* Теория социальных изменений. М., 1999.
- Бхаскар Р.* Общества // Социо-логос. Общество и сферы смысла. Вып. 1. М., 1991.
- Бьюкенен Дж.* Конституция экономической политики // Нобелевские лауреаты по экономике. Джеймс Бьюкенен. М., 1997.
- Вебер М.* Избранное. Образ общества. М., 1994.
- Вебер М.* Исследования по методологии наук. М., 1980.
- Верлен Б.* Объективизм Поппера и метод критического рационализма // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2. № 4.
- Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат. М., 2009.
- Витгенштейн Л.* Философские работы. Ч. I. М., 1994.
- Гофман А.Б.* Эмиль Дюркгейм в России: рецепция дюркгеймовской социологии в российской социальной мысли. М., 2001.
- Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я.* Основания смешанной экономики. М., 2008.
- Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я.* Экономическая социодинамика. М., 2000.
- Дюркгейм Э.* Метод социологии. Киев–Харьков, 1899.
- Канто-Спербер М.* Философия либерального социализма // Неприкосновенный запас. 2004. № 6.
- Кейнс Дж.М.* Общая теория занятости, процента и денег. Избранное. М., 2007.
- Крозье М.* Современное государство – скромное государство. Другая стратегия изменения // Свободная мысль. 1993. № 2.
- Кэй Дж.* Карта – не территория: о состоянии экономической науки // Вопросы экономики. 2012. № 5.
- Лаффон Ж.-Ж.* Стимулы и политэкономия. М., 2007.
- Либман А.М.* Политико-экономические исследования и современная экономическая теория. М., 2008.
- Либман А.М.* Экономическая теория и социальные науки об экономике: некоторые направления развития. М., 2007.
- Милль Дж.С.* О свободе (1859) // Наука и жизнь. 1993. № 11, 12.
- Милль Дж.С.* Система логики силлогистической и интуитивной. Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования. М., 1914.
- Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.
- Перспективы либерализма и поиск корней // Неприкосновенный запас. 2004. № 6.
- Полтерович В.М.* Становление общего социального анализа. М., 2010.
- Поппер К.* Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы // *Поппер К.* Открытое общество и его враги. В 2 т. Т. 2. М., 1992.
- Ролз Д.* Теория справедливости. Новосибирск, 1995.

- Рубинштейн А.Я.* К теории рынков “опекаемых благ”. Статья I. Опекаемые блага и их место в экономической теории // *Общественные науки и современность.* 2009^а. № 1.
- Рубинштейн А.Я.* К теории рынков “опекаемых благ”. Статья 2. Социодинамическое описание рынков опекаемых благ // *Общественные науки и современность.* 2009^б. № 2.
- Рубинштейн А.Я.* Опекаемые блага: институциональные трансформации // *Вопросы экономики.* 2011. № 3.
- Рубинштейн А.Я.* Рождение теории. Разговоры с известными экономистами. М., 2010.
- Рубинштейн А.Я.* Экономика общественных предпочтений. М., 2008.
- Сен А.* Об этике и экономике. М., 1996.
- Сен А.* Развитие как свобода. М., 2004.
- Соссюр Ф. де.* Заметки по общей лингвистике. М., 2000.
- Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики. М., 2009.
- Тамбовцев В.Л.* Перспективы экономического империализма // *Общественные науки и современность.* 2008. № 5.
- Тамбовцев В.* Возникновение институтов: методолого-индивидуалистический подход // *Вопросы экономики.* 2010. № 11.
- Тейлор Ч.* Неразложимо социальные блага // *Неприкосновенный запас.* 2001. № 4.
- Харсаньи Дж.* Ценностные суждения // *Экономическая теория.* М., 2004.
- Хиршман А.О.* Интересы // *Экономическая теория.* М., 2004.
- Ходжсон Дж.* Институты и индивиды: взаимодействие и эволюция // *Вопросы экономики.* 2008. № 8.
- Шаститко А.Е.* Теоретические вопросы неинституционализма // *Введение в институциональный анализ.* М., 1996.
- Эрроу К.Дж.* Общее экономическое равновесие: цель исследования, методология анализа, коллективный выбор. Нобелевская лекция. 12 декабря 1972 г. // *Лекции нобелевских лауреатов по экономике. Современная экономика и право.* М., 2005.
- Agassi J.* Methodological Individualism // *Modes of Individualism and Collectivism.* London, 1973.
- Agassi J.* Methodological Individualism // *The British Journal of Sociology.* 1960. Vol. 11. № 3.
- Aoki M.* Toward a Comparative Institutional Analysis. Cambridge (Mass.), 2001.
- Arrow K.* Social Choice and Individual Values. New York, 1951.
- Arrow K., Debreu G.* The Existence of and Equilibrium for a Competitive Economy // *Econometrica.* 1954. Vol. XXII.
- Bergson A.* A Reformulation of Certain Aspects of Welfare Economics // *Quarterly Journal of Economics.* February 1938.
- Bhaskar R.* The Possibility of Naturalism: a Philosophical Critique of the Contemporary Human Sciences. Brighton, 1989.
- Black M.* Margins of Precision. Essays in Logic and Language. Ithaca, 1970.
- Bortis H.* From Neo-liberal Capitalism to Social Liberalism on the Basis of Classical-Keynesian Political Economy. Fribourg (Switzerland), 2009.
- Boudon R.* Individualisme ou holisme: un débat méthodologique fondamental // *Mendras H., Verret M.* Les champs de la sociologie française. Paris, 1988.
- Boudon R.* La logique du sociale: introduction à l'analyse sociologique. Paris, 1979.
- Harsanyi J.* Cardinal Welfare, Individualistic Ethics, and Interpersonal Comparisons of Utility // *Journal of Political Economy.* August 1955.
- Giddens A.* The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration. Cambridge, 1984.
- Giddens A.* Sociology. Cambridge, 2001.
- Grinberg R., Rubinstein A.* Economic Sociodynamics. Berlin–New York, 2010.
- Kincaid H.* Methodological Individualism/Atomism // *The Handbook of Economic Methodology.* London, 1998.
- Lindahl E.* “Positive Lösung, Die Gerechtigkeit der Besteuerung” Eine Analyse der Steuerprinzipien auf Grundlage der Grenznutzentheorie, translated as: “Just taxation – a positive solution”, 1919 // *Classics in the Theory of Public Finance.* London, 1967.
- Margolis H.* Selfishness, Altruism and Rationality: a Theory of Social Choice. Chicago–London, 1982.
- Menger C.* Grundsätze der Volkswirtschaftslehre. 2. Aufl. Wien–Leipzig, 1923.
- Modes of Individualism and Collectivism.* London, 1973.
- Musgrave R.A.* The Theory of Public Finance. New York–London, 1959.
- The Nature and Scope of Social Science. A Critical Anthology.* New York, 1969.

- Persson T., Tabellini G.* The Economic Effects of Constitutions. Cambridge (Mass.), 2005.
- Posnett J.* Trends in the Income of Charities, 1980 to 1985 // *Charity Trends 1986/87*. Tonbridge, 1987.
- Rose-Ackermann S.* Altruism, Nonprofits, and Economic Theory // *Journal of Economic Literature*. 1996. Vol. 34. № 2.
- Salamon L., Hems L., Chinnock K.* The Nonprofit Sector: for What and for Whom? // Working Papers of the Johns Hopkins Comparative Nonprofit Sector Project. № 37. Baltimore, 2000.
- Samuelson P.A.* The Pure Theory of Public Expenditure // *Review of Economics and Statistics*. 1954. Vol. 36. № 4.
- Samuelson P.* Reaffirming the Existence of “Reasonable” Bergson-Samuelson Social Welfare Functions // *Economics*. 1978. № 173.
- Schaffle A.E.F.* Das gesellschaftliche System der menschlichen Wirtschaft, 3. Aufl., 1. Band. Tübingen, 1873.
- Sen A.* Development as Freedom. Oxford, 1999.
- Le socialisme libéral. Une anthologie: Europe–Etats-Unis. Paris, 2003.
- Stigler G.* The Theory of Economic Regulation // *Bell Journal of Economics*. 1971. Vol. 2. № 1.
- Taylor Ch.* Cross-Purposes: the Liberal-Communitarian Debate // *Liberalism and Moral Life*. Cambridge (Mass.), 1989.
- Tirol J.* Hierarchies and Bureaucracies: on the Role of Collusion in Organization // *Jornal of Law, Economics, & Organization*. 1986. № 2.
- Touraine A.* Un nouveau paradigme. Pour comprendre le monde d’aujourd’hui. Paris, 2005.
- Wicksell K.* Finanztheoretische Untersuchungen. Jena, 1896.

© А. Рубинштейн, 2012